

Избирательный лохотрон, или Овчарки режима

Ранним утром, в понедельник, в одном из среднестатистических городов одного некогда могучего государства, за столиком в кафе, беседовали между собой два человека. Один из них был пожилым мужчиной с интеллектуальным, волевым лицом, в котором легко угадывался чиновник высокого ранга. Вторым же был весьма молодой человек по имени Вадик. Несмотря на юные годы, он возглавлял одно из рекламных агентств, специализировавшихся на предвыборных технологиях. В общем, был одним из тех, кто гордо именуют себя "пиарщиками", пытаясь раскрутить молоденьких девочек на модных дискотеках. Разговор за столом шёл о завершившихся накануне выборах.

Молодой человек находился в состоянии возбуждения от результатов этих выборов. Их кандидат с огромным отрывом победил по округу очень серьезного конкурента. Противнику многие предрекали уверенную победу. Ощущая себя триумфатором, он явно рассчитывал на похвалу и щедрые комиссионные от заказчика.

"Ну, как мы его сделали, а? - радостно обратился он к старшему. - Не зря вся наша бригада старалась! А какую классную листовку мы ему по округу вбросили за пару дней до голосования? Он даже отреагировать на неё никак не успел. Народ резко изменил своё мнение. Надеюсь, вам понравились итоги?".

Старший философски перемешивал сахар в чашке с кофе. Молодой не унимался и продолжал хвастаться: "Я же говорил, что мои пиар-технологии могут всё! Я обещал убить его рейтинг и провести вашего кандидата - и я выполнил свое обещание! Думаю, вы и ваши руководители должны это оценить. Вы говорили месяц назад о вакансии в областном департаменте печати. Может, предложите мою кандидатуру руководству партии? Я же всё знаю и умею!".

Старший немного нахмурился. "Послушай, Вадик, - сказал он, - руководство, конечно, высоко оценит ваш вклад в наше общее дело. Этого человека во власть пропустить было нельзя никак. Он серьезный противник, он очень силен, и он пошёл бы до конца. Если бы он победил, нам пришлось бы его убирать другими способами. Так что теперь он должен быть тебе даже благодарен за то, что, возможно, доживет спокойно до старости. Думаю, что после такого провала эти выборы будут для него последними. Тем более, что нам удалось подорвать финансовые основы его независимости".

Старший грустно усмехнулся про себя и отхлебнул еще немного кофе, после чего продолжил: "Но эти выборы, скорее всего, последние и для меня. Наша команда уже отработала своё - мы все уже не молодые люди. На наше поколение пришлось слиш-

ком много испытаний. Тебя и твоих ребят, Вадик, мы давно держим в поле зрения. Конечно, в отличие от нас, вы больше цените деньги, и меньше - идею. Да и идей-то, кроме денег, у вас никаких нет. Нам пришлось так воспитать всё ваше поколение, потому что по-другому мы не могли бы удержать власть. А она едва не выпала у нас из рук в 1991 году".

Куратор, вспомнив о чем-то, на минуту замолчал и задумался. Он стал заметно мрачнее и продолжил: "Да, вы действительно хорошо отработали на этой кампании. Вы замечательно вычищали ящики от его агитации, хотя и дали себя задержать миллионы. Да, газеты получили не более четверти адресатов. Но было бы лучше, если бы они вообще не дошли. Этот грёбаный

романтик растопил своей правдой сердца избирателей. У него получилось. Я читал его материалы. Он сильный и очень опасный для нас. Но он наивный. Потому что верит в то, что его читают умные и что их большинство. Он просто не понимает, что выборы делают другие". Вадик оживился: "Ну вот, я же и говорю, что мы сделали выборы!". Старший нахмурился еще больше. Он достал из кожаного портфеля какой-то листок и положил его на стол перед собеседником. На листке красовались уменьшенные портреты кандидатов, их фамилии и напротив них стояли галочки. У противника галочек было раза в полтора-два больше, чем у их кандидата.

Продолжение - на обороте.

*Продолжение. Начало
на предыдущей странице.*

Глаза Вадика округлились. “Что это?” - недоуменно спросил он, глядя в листок. “Это реальные результаты выборов, - сказал старший и нахмурился еще сильнее, - мы их получили из экзит-пула на одном из участков, поставив на выходе на пару часов своего человека. К сожалению, и той четверти газет, которые он смог доставить избирателям, несмотря на все твои усилия, хватало для того, чтобы взбудоражить народ. Так что хватит тут якать и кричать, что вы сделали выборы, - голос старшего принял стальные оттенки, - ваши подметные письма произвели впечатление лишь на тех, кто не читал его газет. Остальных он успел предупредить, и ваш план не сработал. Да и могли бы за такие деньги придумать чего-нибудь новенького, чем повторять, как обезьяны, сплетни прошлых выборов!”

Старший отхлебнул кофе. Он был старым и опытным аппаратчиком и ценил умных людей, к каковым небезосновательно относил и себя. Потому ему очень нравился их противник. Он был явно способнее и креативнее кандидата от власти, шедшего на второй срок. Но он был врагом системы и потому подлежал зачистке. “Ты понимаешь, что нам из-за вас пришлось подставляться, чтобы получить нужные результаты?”, - старший допил свою чашку кофе, заказал новую и вопросительно посмотрел на собеседника. На том не было лица.

“Я тогда ничего не понимаю, - прошептал Вадик, пораженный полученной информацией, - но как тогда удалось уделать его с двухкратным перевесом?”. Старший дождался своего кофе, отхлебнул из чашки горячего напитка и ненадолго задумался. Вадик с нетерпением ёрзал на стуле, остатки его кофе уже остыли, но это его не волновало. Он понимал, как их сегодняшняя встреча важна для него и для его будущей карьеры. Ему, конечно, и сейчас перепладали какие-то деньги от заказчиков из областной администрации, но он не хотел всю жизнь питаться крошками с барского стола. Он хотел попасть за этот стол, хотел подняться хотя бы до уровня своих нанятых. Когда он брался за эту работу, то надеялся поймать удачу за хвост. И вот сейчас его надежды рушились на глазах. Неужели он напрасно не спал ночами, сочиняя самые нелепые слухи об их противнике, неужели напрасно мобилизовал целую армию помощников и потратил полмиллиона рублей заказчика?

Пауза затянулась. Наконец, старший, видя для себя какое-то важное решение, сказал: “Ну хорошо, Вадик. Я вижу, что ты расстроился. Не переживай. Главное - получен требуемый результат, и ты старался. Так что ты - и дальше в игре. Я, так и быть, расскажу тебе о том, как мы на самом деле побеждаем все эти последние годы. Но ты должен понять, что, разглашая эту информацию, я ввожу тебя в узкий круг нашей команды, откуда назад дороги не будет. Ты готов посвятить остаток твоей жизни служению нашему делу?”

Вадик, у которого от волнения мгновенно вспотели ладони, незамедлительно ответил: “Конечно, да! Вы же знаете - я всегда-всегда был с партией. Я выполнял все ваши поручения. Я устраивал пикеты и митинги. Я травил в Интернете ваших противников. И дело совсем не в деньгах, которые вы мне платили. Вы же знаете, как я люблю нашего лидера! Я хочу работать в его команде. В вашей команде. Я очень хочу...”

Дослушав пламенную тираду Вадика, старший взял в руки свою кружку с кофе и внимательно посмотрел в бегающие от возбуждения глаза Вадика. Он понимал, что этот молодой карьерист очень хотел попасть в команду, но он был ему неприятен. Куратор решил еще немного поиграть с юношей в кошки-мышки, проверив заодно

Избирательный лохотрон, или Овчарки режима

умственные способности собеседника.

“Как бы ты поступил, если бы проведенный накануне выборов социологический опрос обнаружил подавляющее превосходство противника?” - спросил он, и с усмешкой взглянул на собеседника. Молодой человек задумался. “Ну, я не знаю.... Нанял бы в каждом доме агитатора из местных активистов, дал бы каждому тысяч по десять, рассказал жуткие сплетни и пустил по квартирам. Он бы дошел до каждого и рассказал бы всё всем. Главное, чтобы слух был правдоподобным. А соседу-то всегда поверят! При хорошем финансировании любого кандидата можно опустить за неделю-другую. Им же только дай посплетничать!”

Вадик устался на куратора, желая прочитать на его лице оценку предложенному способу. “Халявщик, - подумал о нём старший, - не стал париться, а просто рассказал об уже использованной им технологии, которой его, к тому же, я сам и научил. Да уж, смена растет...”

Он погрустнел, но решил продолжить тест. “А если это не помогает, - продолжал испытывать подчиненного куратор, - и люди, несмотря ни на что, ему продолжают верить, потому что он несколько лет писал в своих газетенках правду, которую мы в своих писать запрещали? Он эти годы разоблачал наших местных коллег, он писал про них сокрушительные материалы. Конечно, часть придурков в твои слухи поверит. Но другие - нет. А действующий депутат все эти четыре года кайфовал в своё удовольствие, бабло с клиентов стриг и даже умудрился глупо подставиться перед самими выборами со своими грёбаными недоделками по месту работы. Что бы ты сделал, если бы точно знал, что противник победит при любом противодействии, потому что реально силен, и ни переубедить, ни перекупить, ни заставить голосовать против него народ - мы не сможем?”

Вадик стал лихорадочно вспоминать всё, что он читал или слышал про предвыборные технологии. От сегодняшнего разговора зависело очень многое, и он не хотел ударить в грязь лицом. “Я бы тогда устроил вброс в ящики. У нас же во всех избиркомах есть свои люди, и их большинство. Дать им команду - пусть работают!”. Он вопросительно посмотрел на собеседника.

“Придурок все-таки”, - констатировал про себя старший. Его многолетний опыт показывал, что в городе вбросить можно не более 6%, да и то с таким риском, что не каждый член комиссии на это соглашался. Вброс был технологией, пригодной только в сельской местности при отсутствии наблюдателей от противника. Там можно было делать любые результаты, что и делалось. За счет безграмотной, забитой деревни и вытягивались итоги федеральных выборов. Предлагать такое на выборах в городе с кучей наблюдателей на каждом участке было верхом идиотизма. Но он не подал виду.

“Представь, что у тебя в участковой комиссии нет столько своих людей, или они отказываются идти под уголовку, делая вбросы даже по твоей настойчивой просьбе. Что ты будешь делать тогда?”, - спросил куратор с внятной издевкой. Вопрос поставил молодого человека в тупик. Куратор вновь ощутил чувство собственного превосходства над этим выскочкой.

Он вспомнил себя в далеком 1994 году, когда он, будучи не намного старше своего

сегодняшнего собеседника, беседовал накануне главных выборов в одном из столичных кафе со своим куратором. Именно тогда он и узнал о способе гарантированной победы на любых выборах. Этот способ был любезно подарен зарубежными спецслужбами, озабоченными крайне низким рейтингом действующего президента. Только его применение и позволило тогда выиграть в, казалось бы, абсолютно патовой ситуации, когда красные фактически побеждали. После этого уже не было выборов, когда бы эта технология не применялась. Это знание сегодня он должен был передать человеку, выбранному наверху ему на смену.

Ему было искренне жаль, что приходится передавать тайну такому серому субъекту, но решения принимались не им. Подросшая молодая гвардия требовала своего места под солнцем, а они, стареющие партаппаратчики, старая гвардия режима, постепенно отходили от дел. Впрочем, свою безбедную старость он, как и его коллеги, уже вполне обеспечил, и у него не было мотивов обижаться на своих боссов. Он прикупил по случаю небольшой, но уютный особняк в одной из спокойных европейских стран. Там уже давно обитала его семья, и даже пошли в школу внуки. Он слишком много знал о стране, в которой работал и управляющих ею людях, чтобы рассчитывать на спокойную старость здесь. Потому он не связывал дальнейшую судьбу своей семьи с этой умирающей империей. Близкая отставка и отъезд к родным делали для него малозначительными все остальные события.

Долгие годы он видел, что команда, членом которой он являлся, смогла обеспечить населению состояние эйфории, напрямую подсадив его на телевизионную пропаганду. Для этого пришлось дотировать производство телевизоров. В результате этого их появилось по несколько штук в каждой квартире, и от них невозможно было отделаться. Пришлось, правда, вырубить часть информационных каналов и передач, шедших вразрез с утвержденной информационной политикой. Кое-кого пришлось посадить, кое-кому дать уехать за рубеж. Пришлось даже убить несколько популярных журналистов и телеведущих, не пожелавших петь хором. Такова была цена, заплаченная за стабильность и за сохранение власти над народом и права на присвоенные денег от продажи его собственности.

Куратор понимал, что стабильность эта иллюзорная, что она просто помогает держать население под контролем, спокойной продавая ресурсы страны за валюту. Но именно этой валютой ему платили зарплату, потому он не испытывал моральных страданий. Он служил режиму, и режим его за это благодарил. Да что там, он ощущал себя составной частью системы. У него порой захватывало дух от своих возможностей. Он не жил в реальности - он её формировал. Все 15 лет, прошедшие с того памятного московского разговора.

Теперь он вербовал в легион смену. И эта смена ему не нравилась. Выросшее за эти годы поколение было возвращено и отуплено. Наиболее шустрые его представители охотно принимали из его рук деньги за участие в массовках, но он понимал, что они разбегутся при первой же опасности или переметнутся при появлении более щедрого спонсора. Они уже успели сгнить изнутри...

*Продолжение -
на последующих страницах.*

Продолжение. Начало на предыдущих страницах.

Таков был побочный эффект от их телевизионной пропаганды общества потребления. И если они, старшие, понимали виртуальность создаваемой ими "реальности", то эти искренне полагали, что реальность таковой и является на самом деле.

От раздумий его отвлек Вадик, уже несколько минут ожидавший его решения и от волнения нервно бренчащей ложкой в чашке с остывшим уже кофе. В его глазах читался немой вопрос: "Как вы это делаете? Доверьте мне свою тайну!"

"Хорошо, я тебе расскажу. Считай, что ты в команде. Но помни, если мы узнаем, что ты рассказал это кому-то еще, нам придется тебя убрать. Ты должен понимать, что с нашим административным ресурсом упрятать тебя в психушку труда не составит. Потому что никто тебе не поверит, и тебя просто представят параноиком. Кстати, именно поэтому мы всегда делаем нашим людям полутора-двухкратный перевес в голосах над противником. Для того чтобы никто даже не смел усомниться в полученных результатах. А усомнившийся - казался сумасшедшим."

Он допил остывающий кофе и попросил стакан минеральной воды без газа. Вадик тоже заказал себе баночку "Пепси-колы". Старший про себя отметил: "Знал бы он, кто первым придумал термин "поколение пепси" и зачем." Но удержался от дальнейших воспоминаний.

"Что ты знаешь про симпатические чернила? - спросил он у своего молодого собеседника. "Ну, это когда специальные такие чернила в ручке, которые через полчаса испаряются с бумаги бесследно. А что?". Куратор понял, что его помощник пока не врубается и продолжил задавать наводящие вопросы. Ему хотелось, чтобы его "сменщик" оказался сообразительнее, чем кажется. "А ты не можешь предсказать, что могут существовать чернила, которые, наоборот, могут проявляться через некоторое время там, где их не было до этого заметно?". Он внимательно посмотрел на собеседника.

Вадик задумался. "А что, - размышлял он про себя, - напротив нашего кандидата ставим галки чернилами, которые проявятся, когда бюллетень будет лежать в урне, а в кабинки положим ручки с симпатическими чернилами, и пусть голосуют за кого хотят. Здорово придумано! А химиков у нас и прочих "нанотехнологов" в стране полно - они всё, что закажешь, за деньги придумают". Его лицо просветлело. "Я понял! - вскрикнул он, - мы просто голосуем за них, управляя результатами. Получается, что это и есть управляемая демократия, верно?". Но тут он немного растерялся: "Погодите, но тогда голосование было бы единогласным? И те, кто голосовал против, поняли бы, что мы их дуруем!"

Куратор усмехнулся. "И как мы, по-вашему, решаем эту проблему, молодой человек?" - он отхлебнул минералки из стакана. Младший задумался. Он думал несколько минут. По его лицу бежали тени сомнений. Как-то не стыковалось у него в сознании услышанное с увиденным. Итоги выборов он внимательно изучил. На всех участках их кандидат набрал по четыреста с лишним голосов из почти шестисот, а конкурент - где в два, а где в пять раз меньше. Откуда вообще могли тогда взяться голоса за него, да и за других противников помельче, если симпатические чернила должны были испариться? Да и химический состав чернил могли проверить после выборов по жалобе конкурента. И тогда всё бы всплыло. В конце концов некоторые умники вообще ходят со своими ручками.

Он вопросительно посмотрел на куратора. Задавать мучившие его вопросы было

Избирательный лохотрон, или Овчарки режима

неудобно, да в этом и не было особой нужды. Старший, казалось, знал наперед не только все его вопросы, но и ответы на них. "Ладно, не буду тебя больше пытаться, - сказал он нетерпеливо ерзающему на стуле Вадиду, - расскажу, но чуть позже. Не скрою, много лет назад и я, будучи на твоём месте, не смог найти ответов на часть аналогичных вопросов. На самом деле, все просто и изящно. И срабатывает почти всегда безотказно. Не везде применяется, правда, а лишь там, где у нас есть проблемы, по-другому не разрешимые. Потому иногда даже дублёры умудряются получать по 30 процентов голосов там, где мы не помогаем сделать "правильный" выбор".

Откашлявшись, он продолжил: "Накануне выборов мы проводим социологической опрос и узнаем процент ожидаемой явки. Из него мы выводим количество бюллетеней, в которых должна быть отметка "за" нашего кандидата с тем, чтобы он гарантированно победил с полутора-двухкратным перевесом. Понимаешь, Вадик, бюллетени хранятся посчитанными по пятьдесят штук. Их так удобнее выдавать. На каждом участке от четырех до пяти столов, где их выдают. Бюллетени подписываются членами комиссии загодя, еще за четыре дня до голосования.

Накануне дня голосования мы просто берем на время 8 или 10 пачек и обрабатываем их специальным образом. Потом мы возвращаем их обратно в сейф и кладем их первыми. Сначала крапленые пачки, потом нормальные. Это делается точно в нужное время, за определенное количество часов до выборов, вечером предыдущего дня. Я тебе не скажу, чем именно и как обрабатываются бюллетени - этим занимаются специальные люди, которых я не знаю даже я. В итоге, пока бюллетень лежит в урне, на нём появляется отметка в графе нужного кандидата. Про симпатические чернила ты уже знаешь...

Поскольку в процессе голосования урны не вскрываются, никто не может обнаружить того, что на бюллетенях пропадает галка в одном месте и появляется в другом. На выносные урны мы даем только нормальные бюллетени, но там обычно и так голосуют за наших - сотрудники работают плотно. Тут важно не переборщить. Если мы не успеем выдать "спецбюллетени" вовремя на них галки начнут на глазах у избирателей проступать. Это, как ты понимаешь, нам ни к чему. Приходится жертвовать частью процентов в пользу противников, но зато все уверены в реальности итогов.

Чаще всего наш расчет оправдывается и удается раздать все крапленые

бюллетени часа за четыре до финала. Кстати, именно поэтому мы и продлили выборы до 22:00. Сам понимаешь, что с 20 до 22-х реально мало кто приходит. Но эти бараны проглотили нашу версию с заботой об избирателях и не поморщились!"

Он сделал неторопливый глоток, посмотрел на ошарашенного собеседника, остался доволен произведенным на него впечатлением и продолжил: "После этого голосование идет своим нормальным чередом и результаты на участках немного отличаются друг от друга по количеству голосов, отданных за нашего кандидата и за конкурентов, но общей сути это уже не меняет. Реальные результаты можно увидеть лишь из экзитпулов, но этого, кроме меня, а теперь и тебя, никто не знает!"

Пускай городские сумасшедшие потом портят бюллетени, пишут всякие лозунги, ставят по несколько отметок. Пусть хоть все сто процентов проголосуют за конкурента, но победит наш кандидат. И это не зависит ни от числа наблюдателей, ни от состава избирательной комиссии. Дело остается за малым. Оформить итоги и поздравить победителя. Правда, случаются разовые исключения из общего правила, когда на выборы приходит значительно больше избирателей, чем мы ожидали, и крапленых бюллетеней не хватает или под вечер противники начинают сгонять толпы голосующих. Тогда нежданно появившиеся голоса могут перевесить наши "домашние заготовки". Но так, слава богу, бывает очень редко".

Вадик был поражен. Он три минуты задумчиво пил мелкими глотками свою "колу". Когда он немного отошёл, первым вопросом, который он задал, был один: "А зачем же мы тогда палили столько денег, утюжили округ, вынимали газеты конкурентов, раскидывали в ночь перед выборами анонимные "поганки", распускали слухи и сплетни, если всё уже было решено заранее?".

Старший нахмурился. "Все-таки молод ты еще, Вадик, - промолвил он, - когда подрастешь, поймешь. Люди должны нам верить. На этом основана наша власть. Ты же понимаешь, что держать в повиновении в богатой стране бедный народ можно или силой оружия, или обманом. Обманом получается дешевле. К тому же вооруженные люди, сегодня служащие нам верой и правдой, завтра могут развернуть своё оружие против нас, если поймут что мы все эти годы их дурили. Так вот, Вадик, поверят они нам только в том случае, если будут видеть напряженную борьбу и не смогут допустить в своем сознании мысль, что результаты нечестные.

Окончание - на обороте.

КСТАТИ

Руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Николай Левичев показал журналистам видеоматериалы, подтверждающие использование «исчезающих чернил» на выборах, прошедших 1 марта в Волгограде. Как предрекает корреспондент ИА REGNUM, в ходе брифинга 10 марта Левичев показал журналистам видеозапись с 389-го избирательного участка, на которой член избирательной комиссии демонстрирует действие симпатических чернил: пометка, сделанная ручкой, взятой из кабины для голосования, через некоторое время исчезает с листа бумаги. По словам Левичева, наблюдатели от партии зафиксировали подобные случаи на шести участках в области. Только на участке № 389 в день выборов было обнаружено 285 недействительных бюллетеней, причем большинство из них были чистыми, а уже 6-8 марта часть из них перешла в категорию действительных: в бюллетенях появилась отметка о голосовании за партию «Единая Россия».

Избирательный лохотрон

Окончание. Начало - на предыдущих страницах.

Они должны верить, что мы, то ли методом уговоров, то ли методом шантажа, то ли методом провокации, но убедили, уговорили или заставили подавляющее большинство проголосовать за нашего кандидата. Обрати внимание - именно убедили, а не тупо проголосовали вместо них! Тогда они посокрушаются тому, что их личное мнение не совпало с мнением большинства, что административный ресурс опять победил, но будут вынуждены смириться. Они социальны по своей природе. Решение большинства, если они верят, что большинство именно так и решило, довлеет над ними и подавляет их сознание. И это мы очень активно используем везде. Все, что мы делаем, мы делаем именем народа. Причем, именем большинства. Как ты думаешь, почему мы, контролируя полностью СМИ, допускаем утечки информации о подкупах на выборах, использовании административного ресурса? Почему мы проводим массовые мероприятия с участием первых лиц? Почему просим директоров агитировать за своих кандидатов? Ты думаешь, мы не знаем, что народ их ненавидит и что будет голосовать назло им? Знаем! Но народ-то не знает, что на самом деле мы голосуем за него! Народ-то думает, что мы просто за счет административного ресурса облапошиваем большинство, и оно голосует за нас. Ты понимаешь - они верят, что большинство действительно голосует за нас, и неважно, как нам это удается. Вера - вот что самое главное, запомни. Тебе это еще пригодится".

Куратор перевел дыхание и, сделав еще один глоток, продолжил: "Мы демонстрируем по телевизору многочисленные митинги в свою поддержку, и, хотя нас мало кто любит, все искренне верят в наше лидерство, наши безграничные ресурсы и наше право на власть от имени большинства. А жесткое подавление ОМОНОм тех жалких единиц, которые, не смотря на наши телепрограммы, отучают остальных от самой мысли выйти на улицу, где мы уже не будем властны над ними. Запомни, Вадик, главное - не пускать их на улицу. Их главным

другом и собеседником должен быть телевизор. Все свои личные проблемы они ни в коем случае не должны ассоциировать с проблемами всего общества. Для этого телевизор должен убеждать, что у всех остальных все хорошо или вот-вот станет хорошо. А все несогласные с этим - единичные, постоянно скандальщие друг с другом маргиналы, рядом с которыми не место приличному человеку. Тогда этот человек не станет искать единомышленников, чтобы изменить систему, а будет ждать, когда мы реализуем обещанное. И пусть ждет. А пока он ждет, мы ему подкинем хлеба и зрелищ".

"А что будет - Вадик, казалось, думал только о выборах и рассуждения о всем остальном пропустил мимо ушей, - если противник, почувствовав неладное, потребует сделать химический анализ бюллетеней?".

Куратор ответил не задумываясь: "Тогда мы просто объявим его параноиком, пошедшим против воли избирателей. Мы скажем, что он просто не хочет признать свое поражение и потому клеветает на честных людей. Твои агитаторы пойдут в народ и будут говорить о том, что этому мерзавцу и проходившему народ в доверии отказал, так он теперь от обиды тень на плетень наводит. Даже те, кто его поддерживал на выборах, будут возмущены, что он презрел мнение большинства. Я же тебе говорил уже, что люди социальные и внушаемы. Двукратный перевес давит на сознание большинства, а доказать обман средств и способов у него все равно нет и не будет. Да и кто станет серьезно проверять его бредни? Ты же не забывай, у кого в стране власть. На крайний случай мы просто целиком переделаем весь тираж бюллетеней, проставим все нужные отметки и положим вместо крапленых. И никто ничего доказать не сможет в принципе! Так что всё наверняка. Мы в депутаты можем провести кого угодно - я тебя уверяю! Лишь бы народ поверил, что именно он избрал этого кандидата. Он сам, а не мы - понимаешь? Именно потому и нужно было устраивать всё это дорогостоящее шоу. Наш кандидат, кстати, за него практически не платил. За него заплатила система. Потому что нам нужны в представительской власти марионетки,

которые, как бы представляя как бы избравший их народ, будут проводить на местах спущенные сверху указания. Они сторожевые овчарки режима, пасущие наше стадо. И то, что мы дозволяем овцам иногда голосовать за собак, еще не означает, что они вправе покидать загон. Реальные овцы ведь тоже думают, что пастух их кормит, а овчарки охраняют, верно? А мы на самом деле их просто жарим и стрижем". Откинувшись на стул, он продолжил: "Вот примерно так, дорогой Вадик, мы и управляем этой страной. Хочу тебя поздравить: теперь и ты заслужил право быть среди нас, пастухов. Пока на низовом уровне. Но старайся, проявляй рвение, исполняй старательные команды вышестоящего руководства, и постепенно ты достигнешь очень больших высот".

Куратор закончил свою речь, достал из кожаного портфеля увесистый сверток и передал его ошарашенному собеседнику. "Ну а тут вот небольшая премия для вашего коллектива. Десятка зелени. Ты только не закрывай себе, пожалуйста, поскольку твои люди нам скоро будут нужны. В стране ожидаются некоторые перемены. То, что вы сделали, это ведь только нижний уровень политики. Много я и сам пока не знаю. Но просили передать - не расслабляйтесь. Да, забыл тебя порадовать - теперь ты на окладе. Так что, поздравляю!" - старший протянул ему руку для прощания, допил воду из стакана, поднялся и направился к выходу. Младший последовал за ним.

И только бармен за стойкой, вследствие акустических свойств помещения и отсутствия музыки в утренние часы слышавший всю их беседу, остался сидеть, пораженный услышанным. Он никогда не думал до сих пор над избирательными технологиями, а просто поражался тому, почему он и все его друзья и знакомые голосовали за одних, а побеждали всегда другие. Теперь он точно знал, почему.

К вечеру официально объявили итоги голосования. Никаких сюрпризов не произошло. Партия власти в очередной раз подтвердила мандат доверия и получила право управлять народом именем большинства. Овчарки режима приступили к своим обязанностям.

Александр ПОНОМАРЁВ

Про Федю-стрельца удалого молодца

Для царёвых для потех
Выбрали опять не тех,
Но верховный царь доволен
Говорит, большой успех!
Вновь бюджет в большой

беде:
Разворуют, как везде.
Вновь сработает команда -
Он пойдет по ПСД.
Под угрозой вся земля,
Что вчера была твоя,
Потому что нам не светит
Ничего с того роя.
Соберутся дураки
И поднятием руки
Вновь под «звездные

проекты»
Раздербанят на куски
Может правит идиот,
Раз уже которой год
К нам инвестор не приходит,
А жулье всё прет и прет.
С лёгкой чьей у нас руки
Строят лишь особняки?
Может, думают, что люди
Слепы или дураки?
Почему у нас народ
Вновь своих не видит льгот?
Почему стоит автобус,
А маршрутка прёт "без льгот"?
В пользу чью идет

процесс?

Кто имеет интерес?
Депутат, который возит,
И который в Думу влез!
Потому который год
Его бизнес в гору прёт.
И уйдет он с этой Думы -
Только тапками вперед.
Те же собрались опять,
Чтобы всё за нас решать.
Закрепили бюллетени
И давай нам тут втирать,
Мол уже который год
Выбирает их народ,
Хоть на выборный участок
Почему-то не идет.
Люди им сказали «Фу!
Вас бы всех на Колыму!»
Но они нам отменили
Ту протестную строку.
А теперь еще беда:
Так старались господа,
Что из наших бюллетеней
Все исчезло без следа.
За такое б морду бить -
Но они смогли добыть
Бюллетени с нужной галкой
Там, где ей сказали быть.
Так что, прав ты или лев,
За «СР», КПРФ
Все равно с разгромным
счетом
Победил, товарищ, блеф!
Что вы ждали от людей
Без основ и без идей?
Трудно отыскать моральных
Среди скопища ...дей.

* ПСД - проектно-сметная документация

29 марта в 16-00 около Территориальной избирательной комиссии (на площадке перед входом в здание городской Администрации Таганрога) состоится пикет протеста против фальсификации результатов выборов депутатов городской Думы города Таганрога. Если нам не разрешат проведение массового пикета, пикет будет одиночным. Жители Таганрога, кандидаты в депутаты, представители политических партий, не согласные с тем, что кандидаты от партии «Единая Россия» действительно честно по-

бедали и законно получили 24 из 25 мест в городской Думе, приглашаются для проведения минуты молчания в память о растоптанной Конституции.

29 марта мы не будем устраивать митингов и шествий, мы не будем устраивать уличных беспорядков. Мы просто стоим и помолчим, глядя на окна здания, где привыкли всё решать за нас.

Если гражданин будет мало, значит наша Конституция не стоит того, чтобы сожалеть о её поправках. Значит, «они» выбрали дей-

ственный способ управления нами, которого мы достойны.

Если нас будет много, то пусть эти «победители» поймут, что проиграли, и уйдут в отставку сами, а ТИК отменит итоги выборов. Это будет справедливо!

Если справедливость не восторжествует, следующая акция будет проведена в форме марша протеста, когда молчать мы уже не будем!

Минута молчания будет объявлена в 16-30. Свечи в руках и траурные повязки на рукавах приветствуются.